

ПАМЯТИ

Анатолия

Якобсона

Коллектив авторов
Памяти Анатолия Якобсона

«Пробел-2000»

2010

УДК 821.161.1.0.-929Якобсон
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Памяти Анатолия Якобсона / Коллектив авторов —
«Пробел-2000», 2010

ISBN 978-5-98604-207-7

Уважаемые читатели! Эта книжка – маленький осколок сборника, приуроченного к 75-летию со дня рождения Анатолия Александровича Якобсона, подготовленный и выпущенный в Бостоне и содержащий воспоминания и посвященные А. А. стихи 78 авторов – его близких, друзей и учеников. Многие из вошедшего в сборник были ранее опубликованы на Мемориальной сетевой странице Анатолия Якобсона (МСС) <http://www.antho.net/library/yacobson/index.html>. Новые материалы сборника в ближайшее время пополнят МСС.

УДК 821.161.1.0.-929Якобсон
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98604-207-7

© Коллектив авторов, 2010
© Пробел-2000, 2010

Содержание

Анатолий Гелескул[1]	8
Якобсон Анатолий Александрович	10
Лев Меламид[2]	13
Александр Тимофеевский[3]	15
Наталья Григорьева (Гелина)	18
Виктор Кульбак[4]	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Памяти Анатолия Якобсона

Уважаемые читатели!

Эта книжка – маленький осколок сборника, приуроченного к 75-летию со дня рождения Анатолия Александровича Якобсона, подготовленный и выпущенный в Бостоне и содержащий воспоминания и посвященные А. А. стихи 78 авторов – его близких, друзей и учеников. Многие из вошедшего в сборник было ранее опубликовано на Мемориальной сетевой странице Анатолия Якобсона (МСС) <http://www.antho.net/library/yacobson/index.html>. Новые материалы сборника в ближайшее время пополнят МСС.

Мемориальная страница родилась 2 ноября 2003 г. Её основателем, составителем и редактором был Василий Евгеньевич Емельянов. Компьютерный вэб-дизайн разработала Нехам Полонски (Наташа Симонович). Мемориальную страницу «приютил» на интернет-сайте «Иерусалимской антологии» главный редактор «Иерусалимского журнала» Игорь Бяльский.

Первым материалом МСС был текст книги Анатолия Якобсона «Конец трагедии», куда, кроме главной работы, давшей название всей книге, вошли статьи Якобсона «О романтической идеологии» и «Царственное слово». Сама книга появилась в 1973 г., ещё до отъезда Якобсона в Израиль, и он успел получить её в Москве. Книга впервые была издана Максом Хэйвордом и Эдвардом Клайном в некоммерческом «Издательстве имени Чехова» (Chekhov Publishing Corporation) в г. Нью-Йорке. Основная заслуга в публикации «Конец трагедии» принадлежит Максиму Хэйворду (1924–1979 гг.), который был главным редактором издательства, переводчиком и исследователем русской литературы.

МСС пополнилась материалами вышедшей в 1992 г. в издательстве «Весть» (Георгий и Муза Ефремовы, Вильнюс – Москва) книги «Почва и судьба». Эта книга была составлена Майей Улановской и Владимиром Фромером при участии Анатолия Гелескула, Музы и Георгия Ефремовых, и Владимира Гершовича. В книгу «Почва и судьба» вошли и другие литературоведческие работы Якобсона, а также публицистические работы, избранные письма и дневники, поэтические переводы и воспоминания о нём 13 авторов. Подробные примечания В. Гершовича являются летописью правозащитного движения в СССР и имеют важное самостоятельное значение. Издательством «Весть» впервые в России была также издана книга «Конец трагедии».

Воспоминания учеников и преподавателей Второй московской школы, где Якобсон был учителем (1965–1968 гг.), вошли в изданную в Москве книгу «Записки о Второй школе». Эту книгу о любимых учителях собрали Александр Крауз, Георгий Ефремов и Александр Ковальджи. «Записки о Второй школе» стали третьим важным материалом МСС.

Идея собрать и сохранить материалы об А. Якобсоне принадлежит его близкой подруге – Юне Давидовне Вертман (1931–1983 гг.). После смерти Юны её муж Василий Емельянов, переехав в Израиль, создал Мемориальную страницу. Он был бессменным редактором МСС до своей кончины 5 марта 2008 г. Помогавший ему Александр Зарецкий, в прошлом ученик Якобсона, продолжает собирать материалы и руководит МСС.

С появлением МСС творчество «поэта литературоведения», переводчика на русский язык иностранных поэтов, активного участника нравственного сопротивления тоталитарному режиму в СССР, редактора «Хроники Текущих Событий» и выдающегося учителя Анатолия Якобсона стало доступным тысячам читателей.

Благодарим всех, кто помогал в создании МСС и настоящего сборника, и в первую очередь тех, кто ниже поименован в алфавитном порядке:

С. Айнбиндер (Иерусалим), И. Бяльский (Иерусалим), В. Гершович (Иерусалим), А. Грибанов (Бостон), Т. Громова (Москва), И. Губерман (Иерусалим), Н. и Э. Думанис (Рочестер), Г. Ефремов (Литва), И. Зарецкий (Бостон), Т. Золотарёва (Сиэтл), Э. Клайн (Нью Йорк),

Б. Коваль (Москва), В. Кульбак (Мальта), П. Литвинов (Нью-Йорк), А. Макаров (Москва), М. Минаев (Бостон), И. Островская (Москва), Н. Полонски (Иерусалим), А. Ракитянская (Бостон), Е. Румянцева (Сиэтл), Г. Суперфин (Бремен), В. Тольц (Прага), М. Улановская (Иерусалим), Е. Шиханович (Москва), Т. Янкелевич (Бостон).

В данном «экспресс-издании» мы позволили себе лишь кратко процитировать наиболее яркие и глубокие материалы новой книги и показать редкие фотографии.

Просим отправлять все замечания, дополнения и предложения в гостевую книгу МСС по адресу: <http://www.antho.net/library/yacobson/comments.html>

1955 год

Анатолий Гелескул¹ На полях книги

Человек не выявляет себя в истории, он пробивается сквозь нее.

Р. Тагор

...Пора осознать раз и навсегда, что мартиролог русской литературы – не списки жертв, но имена героев. Любить – по-русски – жалеть; кого любят – жалеют. Это понятно, это по-человечески, и не должно быть иначе. По умершим плачут – это дальние могут гордиться, а близкие – те горюют, и разговоры о геройстве для них не утешение. И все же героев больше, чем кажется, только не всегда они в доспехах и редко бывают триумфаторами.

Судьба Анатолия Якобсона трагична, и понять ее надо верно. В понятии «трагический герой» нельзя переставлять ударения: трагический-лишь определение и само по себе предполагает героическое начало.

Наверно, глубже других это сознавал Гегель, которого Якобсон вообще-то недолюбливал и, быть может, не столько за философскую отмычку в форме диалектики, сколько за философское прекраснодушие и не лишенный самодовольства оптимизм. В изложении кратком и огрубленном мысли Гегеля сводятся к тому, что трагический герой идет навстречу судьбе, не уклоняясь, и падает не под ударом, а вместе с ним. Падая, он ломает занесенный меч. Вот что следует помнить. Гибелью он умаляет смерть.

И не его вина, что по телам павших идут мародеры.

Из предисловия к сборнику «Почва и судьба». Вильнюс-Москва, 1992.

---

¹ **Анатолий Михайлович Гелескул** (21 июля 1934) – русский поэт-переводчик, эссеист. Окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности, работал в геологоразведочных партиях. Публикуется с 1957 г. Автор переводов испанской (от народных песен и средневековых классиков до Октавио Паса), французской (Нерваль, Бодлер, Верлен, Аполлинер), польской (от Мицкевича до Чеслава Милоша и Виславы Шимборской), немецкой (Рильке), португальской (Фернандо Пессоа) поэзии. Первый лауреат премии «Мастер», учрежденной Гильдией «Мастера художественного перевода» (2007).

1937 год

Якобсон Анатолий Александрович (30.04.1935, Москва – 28.09.1978, Иерусалим)

Педагог, литературовед, поэт-переводчик. Автор Самиздата, публицист. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, редактор «Хроники текущих событий»

В 1957 окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института. До 1968 преподавал историю и литературу в московских школах. Одновременно интенсивно занимался литературной деятельностью: переводил поэтов Западной Европы и Латинской Америки. В 1960-х – начале 1970-х печатает в периодике и поэтических сборниках свои переводы из Ф. Гарсии Лорки, М. Эрнандеса, Т. Готье, П. Верлена и других.

В конце 1960-х – начале 1970-х пишет ряд литературоведческих эссе, заведомо не предназначенных для советской печати. Основой некоторых из них стал цикл публичных лекций о русских поэтах начала XX века – Анне Ахматовой, Александре Блоке, Сергее Есенине, Осипе Мандельштаме, Владимире Маяковском, Борисе Пастернаке, прочитанный в 1966–1968 в московской школе № 2, где он в то время преподавал. Эти лекции были значительным культурным событием не только для его слушателей-учащихся, но и для московской интеллигенции: школьный актовый зал с трудом вмещал всех желающих. На их основе возникли книги и очерки-эссе («Конец трагедии», «Царственное слово», «О романтической идеологии»): академический литературно-критический анализ соседствует в них с просветительским и публицистическим пафосом.

Правозащитная деятельность Я. началась в 1965, после ареста Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Я., близкий друг Даниэля, просил допустить его на суд в качестве общественного защитника, но получил отказ. Подготовленную речь направил в суд; впоследствии она была включена в «Белую книгу» **Александра Гинзбурга**. В дальнейшем самиздатские статьи и обращения принесли Я. репутацию блестящего публициста. Одно из самых известных таких обращений – «Начнем с того, чтобы освободить себя!» (18.09.1968), ответ на разговоры о «беспольности» «демонстрации семерых» на Красной площади. В этом коротком тексте Я. с предельной ясностью изложил собственное понимание смысла и духа правозащитной активности как, в первую очередь, индивидуального нравственного противостояния беззаконию и официальной лжи.

Концепция, лежащая в основе обращения, значительно повлияла на самосознание советских диссидентов; на годы вперед она стала «символом веры» для многих активистов движения в защиту прав человека в СССР.

Весной 1968, не желая, чтобы его диссидентская деятельность ставила под удар коллег-педагогов, оставил преподавание в школе; жил частными уроками и гонорарами за переводы.

21.12.1969, в день девяностолетия со дня рождения И. Сталина, участвовал в антисталинистской демонстрации на Красной площади в Москве; был задержан и по решению нарсуда Ленинского района оштрафован за нарушение общественного порядка.

Подпись Я. стоит под многими правозащитными петициями 1967–1973. В ряде случаев именно Я. являлся автором правозащитных текстов, подписывавшихся коллективно. Так, его перу принадлежит большинство обращений Инициативной группы по защите прав человека в СССР (ИГ), членом которой Я. стал в мае 1969 и оставался вплоть до отъезда из СССР (за исключением нескольких месяцев в 1970 – начале 1971, когда, разойдясь с **Петром Якиром**

из-за слишком тесных контактов последнего с эмигрантским Народно-трудовым союзом, приостановил членство в ИГ).

В 1969 Я. – один из помощников **Натальи Горбаневской** в издании «Хроники текущих событий», а после ареста Н. Горбаневской в декабре 1969 становится ключевой фигурой в кругу издателей этого бюллетеня. Несколько выпусков в 1970–1972 составлены им практически в одиночку; в работе над другими он принимал участие в качестве литературного редактора.

Неоднократно подвергался допросам и обыскам.

Работа в «Хронике текущих событий» и участие в ИГ не стали помехой для литературного творчества Я. В начале 1970-х он завершил основной труд своей жизни – книгу о поэзии Александра Блока «Конец трагедии» (в ранних самиздатских списках она называется «Трагический тенор эпохи»). Изданная в 1973 за рубежом издательством имени Чехова, книга приносит Я. международную известность; в том же году его принимают в Европейский ПЕН-клуб.

С конца 1972 давление на Я. усиливается; ему открыто угрожают арестом, если он не покинет СССР. Шантажируют и других активистов правозащитного движения, в частности – участников издания «Хроники». Один из следователей КГБ прямо заявил, что в случае выхода следующего выпуска будет арестован именно Я. В январе 1973 на встрече издателей «Хроники» и близких к ней правозащитников было решено приостановить выпуск бюллетеня. Я. также был на этой встрече, но «права голоса» ему не дали.

В начале сентября 1973 эмигрировал с семьей в Израиль.

Поселился в Иерусалиме. Работал в Центре славистики Иерусалимского университета, подготовил и опубликовал ряд литературоведческих статей.

В сентябре 1978, в состоянии тяжелой депрессии, покончил с собой. Похоронен на Масличной горе в Иерусалиме.

В 1989 ключевая статья Я. «О романтической идеологии» была опубликована на родине, в 1992 была переиздана книга «Конец трагедии». Тогда же вышел сборник «Почва и судьба», включающий в себя ряд литературных эссе Я., его переводы, избранную самиздатскую публицистику, дневниковые записи, воспоминания друзей.

«...Когда толкуют о диссидентстве как способе самореализации для неудачников и бездарностей, я вспоминаю **Толю Якобсона**, его великолепный талант, человеческий и профессиональный. Когда говорят о диссидентах как людях равнодушных или враждебных России, я опять же вспоминаю Тошкину почти физиологическую связь с русской культурой. Разрыв или ослабление этой связи, невозможность слышать вокруг себя русскую речь и привели его – я в этом уверен – к гибели» (из воспоминаний С. Ковалева).

Геннадий Кузовкин

135-я школа, 9–6 (фрагмент), А. Якобсон – крайний слева. Фото из архива В. Ротштейна

Лев Меламид² Случай в бельцах

...Толя, когда мы жили вместе у него в Неве-Якове, как-то пришёл домой и говорит: «Вот, представляешь, какая история замечательная. Еду я в иерусалимском автобусе – и вдруг меня человек трогает за плечо и говорит: «Здрасьте, вы меня не помните?», а я ему: «Нет, а что? Напомните». И тот напоминает Толе историю 51-го года. Толя был молодой тогда, ему было лет 16–17, и он был серебряный призёр юношеской сборной Москвы по боксу. Вместе с другими боксерами Толя поехал на сборы в Молдавию. Вот его рассказ об этой поездке: «Я поехал на сборы в Молдавию, задержался в Кишинёве, там запил. Девушки, пятое-десятое, и только на следующий день я сел в поезд, чтобы успеть на сборы в Бельцах. Еду и боюсь ужасно, что тренер сделает мне втык страшный – на следующий день соревнования. Схожу на вокзале в Бельцах. Там в 51-м было ещё полно сгоревших и разрушенных в войну зданий. Какой-то парень идёт навстречу, я его спрашиваю: «А где тут спортивный комплекс? Там тренировки должны быть». Парень так посмотрел внимательно – а Толя на еврея не был похож – и говорит ему: «Какой тебе спортивный комплекс, тебе нужно вот это здание», – и показывает на сгоревший дом. Толя не знает, что ему делать, но идёт дальше. Навстречу идёт пожилой человек, судя по внешности – еврей. И Толя его спрашивает: «Скажите, а что это за здание?». Старик сказал, что здесь раньше была синагога. В ней немцы сожгли евреев. На следующий день – соревнования. И против него на ринг выходит тот самый парень, что направил его в сгоревшую синагогу. Толя сказал, что первый раз в жизни он так избивал человека на ринге. Толя считал, что бокс – интеллектуальная игра, а не избиение, но тут он ничего с собой поделать не мог и избил парня страшным образом. Ну, уровень его спортивный понятен, сборная Москвы была посильнее сборной Молдавии... И оказалось, что бывший противник, который в 51-м был с Толей на ринге, женился на еврейке и приехал в Израиль. Вот такая потрясающая история.

---

² Лев (Лёва) Меламид – в 1974 году репатриировался в Израиль из Москвы. Редактор первых русскоязычных газет в Израиле. Публиковался в журналах «Время и мы», «Континент» и других. В 1997 г. вышла в свет его книга «Русское подворье».

В деревне Коноплянка, Тамбовской области. Начало 50-х

Александр Тимофеевский³ «Рассказ о Якобсоне»

Из интервью Мемориальной странице

... Знакомство с Толей, как мне кажется, приходится на 1950 год, мы были тогда школьниками. Познакомила нас Рая Полянкер, вместе с которой я занимался в литературном кружке в Доме пионеров в переулке Стопани. В этом кружке была и Сусанна Печуро, моя мальчишеская любовь, о которой я много рассказывал Толе. Мы с ним оказались соседями: жили буквально в двух шагах друг от друга, и хотя учились в разных школах, но проходили одни и те же классы, и нас сразу связала любовь к поэзии. Собственно говоря, мы, Толя и я, тогда жили поэзией, для нас это было главным... Тошка часто бывал у нас дома, он был златоустом, и бабушка про себя называла Толю – Гентоля – гениальный Толя. В те времена Толя был девятиклассником. А потом Гентоля уже сам преподаватель в школе, и вот в памяти навсегда остается переполненный актовый зал школы, на окнах как гроздь винограда висят люди, чтобы послушать Гентолю, который выступает со своими докладами о поэзии, в частности, о комсомольских поэтах – Голодном, Уткине, Светлове...

Тогда в юности наши дни протекали в бесконечных разговорах о поэзии. Случались в связи с этим и забавные происшествия. Помню такой случай: однажды мы идем с Толей, с неба летит что-то снежное, о чем-то с ним горячо спорим, читаем друг другу стихи, я курю и, по школьной привычке, на всякий случай сую горящую сигарету в карман. Потом я говорю: «Слушай, Толя, тебе не кажется, что откуда-то дым, что-то горит». Он отвечает: «Идиот, это ты горишь!». Сигарета подожгла ватную подкладку, и пальто загорелось внутри. Мы бросили его в снег и исполнили на нем танец диких индейцев.

Замечательная черта Толи – его гармоничность. Он был блистательным эрудитом, поэтом, переводчиком, другом поэтов, вольнодумцем и диссидентом. И он был необычайно сильный человек физически. В те годы, когда мы с ним познакомились, и чуть позже он вошел в десятку московской юношеской сборной по боксу. Он был великолепным боксером. Как известно, какое-то время подрабатывал грузчиком, мог поднимать огромные тяжести, вдобавок ко всему этому был великолепным шахматистом. И вот его интеллект и физическая сила делали его человеком необычайно гармоничным. Женщины его обожали, иного слова даже и не подобрать. Те москвички, которые помнят Якобсона, говорят о нем исключительно с обожанием.

Надо сказать еще о двух чертах: он был рыцарем, и это слово хочется повторять и ставить после него восклицательный знак. Дело в том, что людей великодушных и порядочных, готовых на сильные и добрые поступки, не так уж мало, но это еще не значит быть рыцарем. Якобсон совершал великодушные действия, не размышляя. Если он видел, что оскорбляют слабого, женщину или ребенка, он немедленно бросался на защиту, не ища в этих ситуациях рационального решения, хоть против десятка человек. Таких людей, прожив долгую жизнь, я встречал немного.

---

³ Тимофеевский Александр Павлович (р. 1933, Москва)? – поэт, кино- и теледраматург, сценарист, редактор. Окончил сценарный факультет ВГИКа (1959). Работал на студии «Гаджикфильм», в 1963–83 – редактор киностудии «Союзмультфильм», позднее – студии «Мультелефильм» ТО «Экран». Участник самиздатского альманаха «Синтаксис» Александра Гинзбурга, после чего был лишен доступа к советской печати. Только в 1992 вышел первый сборник стихов «Зимующим птицам». Написал сценарии более 30-ти мультфильмов и песни к ним. Член Академии кинематографических искусств «Ника». Лауреат литературной премии «Венец» (2006).

...В те времена Толя очень любил мои стихи. Мне кажется, ему нравилось одно стихотворение, посвященное Сусанне Печуро, которое я послал ей в лагерь в числе прочих. Оно прошло через цензуру, она его получила. Оно короткое, его можно процитировать.

Ты – как за тысячу веков,
Ты – страшно далека,
Ты – из приснившихся стихов
Последняя строка.
Строка, которой мне не в труд
Любых певцов забить,
Строка, которой поутру
Ни вспомнить, ни забыть.

В те времена Якобсон сблизился с Анной Андреевной Ахматовой и довольно часто бывал в Ленинграде, он отвез ей подборку моих стихов, там было и это стихотворение. Надо сказать, что если Толя брался за какое-либо дело, то вкладывал в него всю душу... Мы с Толей были женаты на двух сестрах. Познакомились с двумя сестрами: Ириной Улановской и Майей Улановской. И вот такая мальчишеская, отроческая дружба привела к тому, что мы выбрали себе в жены двух сестер, и это как бы продолжало нас сближать, продолжало нашу дружбу. Но потом, к сожалению, возникли обстоятельства, которые ей мешали...

...Толя любил стихи Самойлова. С какой радостью однажды он прибежал и читал замечательные стихи поэта: «Давай поедem в город, где мы с тобой бывали...» и финал стихотворения:

...О, как я поздно понял,
Что тоже существую,
Что я имею сердце,
Имею кровь живую,
Что я наполнен словом,
Что я владею речью,
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься.

Так было написано в первом варианте, которому радовался Толя, который был лучше того, что поэт впоследствии опубликовал...

Начало 1950-ых

Наталия Григорьева (Гелина) «Анатолич» И «Юночка», или уроки литературы и истории

В Москве, совсем рядом со станцией метро «Беговая» расположен 1-ый Хорошевский проезд, некогда очень тихая и зеленая улочка. Если идти от метро, то с левой стороны проезда тянется вереница однотипных четырехэтажных жилых зданий с уютными двориками. Дома начали возводить почти сразу после войны, в конце 40-х, строили их пленные немцы, позже эти дома заселили, в основном, семьями военнослужащих. Почти одновременно с жилыми домами, прямо посередине 1-го Хорошевского проезда построили школу № 689, типичное школьное здание постройки конца 40-х начала 50-х годов, их и сейчас в Москве сохранилось немало. На фоне однотонных домов, школа выделялась красной кирпичной кладкой. Поскольку дома, близлежащие к школе, были заселены семьями военнослужащих, то, соответственно, и ученики школы, процентов на 90-дети военных.

...С начала учебного (1959) года у нас уже сменилось несколько преподавателей истории, и в наших трех «восьмых» классах Анатолий был четвертым или пятым учителем истории с начала учебного года. К тому же, наш 8 «Б» был без классного руководителя, и им предстояло быть Анатолию Якобсону.

Наш новый учитель истории был очень молод – ему было всего 24. Похоже, что еще у него не было опыта работы в школе и, по-моему, мы были его первыми учениками. Он только недавно получил диплом, и на лацкане его пиджака поблескивал ромбик выпускника вуза. В его поведении было еще что-то мальчишеское. Он совсем не соблюдал дистанцию учитель – ученик. Он запросто мог кому-то из старшеклассников представиться при знакомстве как Толик, на перемене, в школьном дворе, побороться и поиграть в шумные игры с мальчишками нашего класса. Мы же, его ученики, всегда старались держать эту дистанцию: ведь мы еще были дети в пионерских галстуках, а он – наш преподаватель и классный руководитель, как вскоре мы узнали, уже семейный человек – отец крохотного сына Саши. Может быть, поэтому мы вскоре стали за глаза называть его Анатолич. По-моему, на первых уроках мы лишь наблюдали за ним, он был необычен. Ни по каким признакам он не походил на обычного школьного учителя.

Он заявил нам, еще где-то на первых уроках, что учебник истории можем выбросить, что учить историю мы по нему не будем, что будут читаться лекции, и что нам надлежало записывать их и впредь готовиться к урокам по этим конспектам. В отличие от других учителей он никогда не носил галстук. Верхние пуговицы его цветных или клетчатых рубашек были расстегнуты. Он очень стремительно передвигался по классу и за каких-то пару секунд мог оказаться у последней парты, застав врасплох кого-то из учеников, занимающихся чем-то посторонним. Ну, и совсем необычным он был тем, что уже вскоре на его уроках зазвучали стихи. Обычно это было спонтанно и зависело от его настроения. Помню, как-то придя на урок, он сел за учительский стол, немного помолчал, а потом сказал: «Не листайте лихорадочно конспекты, я сегодня не буду спрашивать. Я буду читать стихи». И зазвучало:

Что не пройдет —
Останется,
А что пройдет —
Забудется...
Сидит Алена-Старица
В Москве, на Вшивой улице...

Обладая прекрасной памятью, Анатолий знал все стихи наизусть. Я не помню случая, чтобы он читал какие-то стихи с листа... Иногда он читал нам что-то из своих стихов. Он говорил, что вряд ли когда-нибудь их напечатают. При чтении стихов он волновался, доставал и мял пальцами сигарету, иногда, не выдержав, открывал окно в классе и жадно закуривал, делая несколько глубоких затяжек.

...К началу следующего учебного года учеников, окончивших восьмой класс, заметно поубавилось. В стране была предпринята реформа, по которой школы переводились на всеобщее одиннадцатилетнее образование, с обязательной трудовой практикой. Многие ученики переходили в оставшиеся кое-где школы-десятилетки, другие переводились в вечернюю школу и шли работать, чтобы заработать два года рабочего стажа и иметь преимущество при поступлении в институт. Из трех бывших восьмых классов сформировали два девярых, ученики которых были первыми выпускниками школы-одиннадцатилетки. По новой школьной программе мы учились в школе лишь четыре дня в неделю, и два дня проводили на производственной практике. Большинство учеников нашей школы ее проходили на московском заводе радиодеталей.

Анатолий продолжал преподавать у нас историю, а по литературе появился новый учитель – Юна Давыдовна Вертман. Они обязательно когда-нибудь должны были встретиться в этой жизни. Так уж было уготовлено судьбой, что встретились и познакомились в нашей школе.

У них было очень много общего: примерно одного возраста, оба прекрасно знали литературу и старались напичкать этими знаниями нас. У обоих была одинаковая методика преподавания. Первое заданное Юной Давыдовной домашнее сочинение, после проверки, принесло много троек и двоек. Аргумент: «Списано со страниц учебника». Юна Давыдовна также заявила, что школьным учебником пользоваться не будем: наша школьная программа будет намного расширена, и она познакомит нас с творчеством таких писателей и поэтов, имен которых мы, наверное, и не слышали. Они оба не терпели штампов и не хотели, чтобы их ученики имели представление об их предметах, пользуясь лишь стандартными учебниками. По характеру они были совсем разными. Анатолий – «взрывной». Мог накричать на ученика, особенно нерадивого, вклеить подзатыльник и вышвырнуть из класса. Юна Давыдовна, напротив, была очень спокойная и невозмутимая. За все годы, что она преподавала у нас литературу, я помню лишь два случая, которые вывели ее из себя.

Как-то незаметно мы стали называть ее между собой Юночка.

Очень скоро для нас эти два имени: Анатолич и Юночка – как бы слились воедино. Мы не удивлялись, когда на уроках литературы, в свободное от своих уроков время, появлялся Анатолий. Наш Анатолич уже не был одинок среди солидных по возрасту преподавателей. В школе у него появился друг и единомышленник. Они вместе организовывали для нас лекции, литературные вечера. Я помню, как у нас выступали известные чтецы Яков Смоленский и Эммануил Каминка. Выступала с лекцией о современной поэзии литературный критик Галина Белая. Читал свои переводы поэт-переводчик Грушко. Юна Давыдовна организовала в школе драмкружок, и поставила такие спектакли, как «Ноль по поведению» и «Обыкновенное чудо».

Время тогда было очень благодатное. Эти годы потом назовут «годы оттепели»...

В Московском государственном пединституте им. Ленина. Первый или второй курс

Виктор Кульбак⁴

Из интервью Мемориальной странице

Расскажите об Анатолии Якобсоне и своей дружбе с ним. Я знаю, что Ваш отец был лётчик-испытатель, и Вы жили в военном городке рядом с московской 689-й школой на 1 Хорошевском проезде...

Мы переехали туда, наверное, в 1960 г., когда мне было 14 лет. Закончил я школу в 64-м году. Я одиннадцатилетку кончал, это был единственный год, когда надо было 11 лет учиться.

Как Вы заметили Якобсона? Я знаю, что у Вас было стойкое неприятие советской школы, и на этом фоне два учителя в 689-й определённо выделялись.

Да. Это были Татьяна Иосифовна Червонская и Анатолий Александрович Якобсон.

Якобсон позже появился, чем Татьяна Иосифовна?

Да, он появился у нас на год позже. Он был моим учителем три последних года в школе.

Вы художник, и у Вас определённый взгляд на мир с детства, это врождённое... Каким же образом литература ворвалась в Вашу жизнь через «чёрный ход»?

Я к Якобсону вначале относился с некоторым недоверием. Он мне показался уж очень откровенным в своих беседах. И это в то время, когда все боялись всего. У меня классным руководителем была Татьяна Иосифовна Червонская, а Якобсон преподавал у нас историю. Он организовал литературный кружок, который вёл сам и в который я, естественно, тут же записался. Кружок этот недолго просуществовала, я уже не помню, почему он исчез. Анатолий Александрович был влюблён в Блока, и в ту пору были, в основном, лекции о Блоке, о «Двенадцати» Блока.

Именно тогда я для себя открыл этого особенного человека. Мне не приходилось с такими встречаться до него. Он был необыкновенно умён. Он не ограничивался пустыми словами – он находил такие, которые попадали вам в голову, в сердце, в печень, и его манера говорить была совершенно необыкновенна. У него были страсть и напор, которые не предполагали диалога. Татьяна Иосифовна Червонская вызывала на разговор, а Якобсон высказывал свои собственные мысли, и его не интересовало, соглашались с ним или нет. В нем был некий всепожирающий огонь. После его ухода оставалось какое-то непонятное впечатление стихийного бедствия, свидетелем которого вы были.

---

⁴ **Виктор Кульбак** родился в 1946 г. в Москве, где он окончил художественную школу, а также среднюю школу № 689 (1964). Он продолжил учебу в Московском полиграфическом институте и работал как художник-оформитель в различных московских издательствах. Пять художественных выставок Виктора Кульбака в Советском Союзе были закрыты властями через 2–3 часа после их открытия. В 1975 году он эмигрировал во Францию. Его работы выполненные в старинной технике «серебряная игла», берущей свое начало в эпоху Возрождения, многократно и с большим успехом выставлялись во множестве стран: Франции, Швеции, Норвегии, Японии, Бельгии, Италии, Великобритании, Австрии, Канаде, Германии, США... В настоящее время Виктор Кульбак живет на Мальте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.